

СВИДЕТЕЛЬ ВЕЧНОСТИ

О МИСТИЧЕСКИХ ПРОЗРЕНИЯХ ВЛАДИМИРА ИГОРЕВИЧА КАРПЕЦА

Беседуем с историком Максимом МЕДОВАРОВЫМ

"ЗАВТРА". Он многое успел за свою жизнь, хотя, конечно, проживи он подольше, сделал бы намного больше. Попробуем хотя бы немного приблизиться к пониманию этой исполниской фигуры. Максим Викторович, как главный в России специалист по творчеству Владимира Карпеца, скажите, кем он был в первую очередь?

Максим МЕДОВАРОВ. Он воспринимал себя прежде всего как поэта, желая запомниться людям именно в этом качестве. При всём многообразии его занятий: активной публицистике, церковной деятельности в рамках единоверия, преподавании государственно-правовых дисциплин и исторических исследованиях, — поэзия оставалась главным делом его жизни.

"ЗАВТРА". Можно ли сказать, что поэтическое мышление Карпеца определяло все направления его деятельности?

Максим МЕДОВАРОВ. Конечно! Ведь даже когда он глубоко погружался в философию, его размышления неизменно опирались на поэтические интуиции, черпаемые в том числе из стихов его любимых русских поэтов. Именно так он пришёл к своей главной теме — теме нелинейного времени, которое не вписывается ни в какие циклы, но ведёт к вечности. Это стало его личной и творческой осью, вокруг которой вращалась вся его философия.

"ЗАВТРА". Говоря о семье, стоит отметить, что Владимир Карпец был сыном весьма значимой личности. Какую роль в становлении Владимира Игоревича сыграл его отец?

Максим МЕДОВАРОВ. Влияние обоих родителей на формирование личности Карпеца было значительным. Это очевидно как из рассказов его вдовы, Марины Николаевны, так и из моих собственных исследований, в том числе из статьи о его становлении, опубликованной в журнале "Ортодоксия" в 2023 году.

Отец, Игорь Иванович Карпец, генерал-лейтенант, возглавлял службу угрозыска и написал десятки книг по уголовному и полицейскому праву. Он мечтал, чтобы сын пошёл по юридической линии, однако Владимир Игоревич, несмотря на это, тянулся либо к поэзии, либо к академической науке. В его произведениях часто появляется фигура отца, ушедшего из жизни в 1993 году на фоне распада страны. С другой стороны, ощутило в его работах и влияние матери, женщины с сильным характером, чей образ часто предстаёт как символ власти и авторитаризма.

"ЗАВТРА". Какие периоды в творчестве Карпеца вы считаете ключевыми?

Максим МЕДОВАРОВ. Прежде всего, я бы выделил его ранние стихотворные сборники, изданные ещё в советское время, а также небольшие книги о литераторах первой половины XIX века: работы об адмирале Шишкове и Фёдоре Глинке.

Следующий этап — это 90-е годы, когда Карпец почти не публиковался. Это был период затишья, предшествующий расцвету его творчества в 2005–2007 годах, когда в свет вышли две его полновесные книги, а также сотни активно публикуемых статей. Это зрелые работы, отличающиеся всеохватностью и глубиной. Завершающий этап его творчества ознаменован сборником "Социал-монархизм" и поэтическим томом "Век века", увидевшим свет в 2016 году. Таким образом, я бы обозначил три главные линии в его творческом пути: ранние работы советского периода, зрелое наследие 2000-х и итоговые публикации последних лет.

"ЗАВТРА". А режиссура?

Максим МЕДОВАРОВ. Карпец вместе с Григорием Борисовичем Кремнёвым снял три фильма. Были также попытки воплотить четвёртый проект и осуществить театральную постановку "Хованщины". Все эти ленты принадлежат к архаусу и расчитаны на узкий круг зрителей. Сам Владимир Игоревич относился к ним скептически, считая работы скорее неудачными; тогда как Григорий Борисович оценивал их куда более благосклонно.

"ЗАВТРА". Оставался ли Карпец признанным учёным, правоведом и, прежде всего, частью академического круга, несмотря на всю неформальность своего творчества?

Максим МЕДОВАРОВ. Безусловно. Несмотря на все трудности советского времени, он завершил аспирантуру и успешно защитил кандидатскую диссертацию по конституционному праву Испании. До начала 1990-х годов его статьи регулярно появлялись в сборниках по истории российского и средневекового права, зачастую в соавторстве с ведущими учёными. Его академическая карьера была стабильна: до последних лет жизни он преподавал в Высшей школе экономики.

"ЗАВТРА". Его занятия правом пересекались с интересом к истории и культуре?

Максим МЕДОВАРОВ. Его всегда привлекали исторические темы, связанные с философией права и русским пониманием закона, противопоставленным римско-европейской правовой традиции. Он много писал о специфике русской власти и её двойственной структуре, где за фасадом формальных институтов скрывается невидимая, незафиксированная в законах, но реальная власть. Особенно его интересовали темы чрезвычайных полномочий: опричнина при Иване Грозном, Редакционные комиссии Александра II, партийная вертикаль в Советском Союзе. Эта внутренняя, скрытая власть стала для него ключевым предметом исследования.

"ЗАВТРА". Его монархические взгляды широко известны, но никак нельзя назвать Карпеца "обычным", предсказуемым в риторике и идеях монархистом. Уместно ли говорить, что он был монархистом по-своему?

Максим МЕДОВАРОВ. Да, в 1980-е и начале 1990-х Карпец входил в ряд единомышленников монархического мейнстрима. В книге "Русь Меровингов и корень Юрияка" (2006 г.) он перепечатал несколько своих ключевых статей конца 1980-х — начала 1990-х, наглядно демонстрирующие его тогдашние позиции. Эти тексты укладывались в ту самую русскую монархическую среду эпохи Перестройки, когда упор делался на эсхатологию, пророчества о возвращении Романовых и идею особой исторической миссии России.

Однако уже в середине 1990-х он стал отходить от общепринятой линии. Переломный момент случился в 1993 году, когда он лишился преподавательской работы и вынужден был зарабатывать "чем придётся": работал дворником, продавал грибы на рынке. Позже он устроился переводчиком, и эта работа сильно повлияла на его мировоззрение.

В 1998 году Карпец обрёл связь со старообрядческой традицией, точнее, с единоверческим приходом Русской православной церкви. В результате он пересмотрел свою историософию: ключевой катастрофой для него стал не 1917 год, а раскол XVII века и реформы патриарха Никона. По его убеждению, именно они запустили процесс европеизации, ввели линейное понимание времени и тем самым предопределили крах династии Романовых и российского государства. Возрождение, считал он, возможно лишь через возвращение к наследию Московской Руси и старому обряду — к подлинной культуре, в том числе к мистерии "Хованщина" Мусоргского.

"ЗАВТРА". В эти годы Карпец начинает проявлять интерес к творчеству Александра Дугина. Стереотипно — неожиданное сближение. Ведь Дугин — не самая очевидная фигура для монархиста. Что, на ваш взгляд, их объединило?

Максим МЕДОВАРОВ. Во многом их диалог оформился уже в 2000-е годы, хотя знакомы они были ещё в 1990-е. С началом нового тысячелетия Дугин не раз отзывался о "социал-монархизме" Карпеца с неподдельным восхищением, видя в нём одну из самых весомых вех русской философии со времён Флоренского. По его мнению, Карпец воплощал ту самую "почвенническую" русскую идею. Вдобавок их роднило исключительное внимание к философии времени. Насколько я знаю, сейчас Александр Гельевич готовит к изданию книгу "Философия времени" — переработку своего одноимённого курса видеолекций, что совпадает с философскими размышлениями Карпеца о времени, его длительности и прерывности.

"ЗАВТРА". То есть их сближение во многом объяснялось переходом от традиционных для монархистов исторических дискуссий к более глубокой метафизической проблематике?

Максим МЕДОВАРОВ. Историческая перспектива тоже сыграла свою роль. Уже к началу 2000-х и Дугин, и Карпец числились единоверцами старого обряда — прихожанами знаменитого единоверческого храма в Михайловой Слободе под Москвой. Более того, их сближали общие представления о сакральном характере власти, о России как Евразийской империи, о том, что её исторический путь не исчерпывается европеизацией или либеральными парадигмами. Таким образом, их связывала не только философская, но и церковно-историческая близость.

"ЗАВТРА". Если Карпец пересмотрел своё отношение к XVII веку и к церковному расколу, почему же он не обратился в старообрядчество, оставшись в лоне единоверия? Он не хотел разрывать связи ни с официальной церковью, ни с русской историей, которую воспринимал как единое целое (возможно, за исключением последних двух десятилетий)?

Максим МЕДОВАРОВ. Вы совершенно правы: Карпец был выдающимся историком единоверия. Он досконально изучил споры между единоверцами и старообрядцами XVIII века, знакомился с "предъединоверческими" инициативами и подробно анализировал дискуссии XIX — начала XX века. Очерки на эту тему он публиковал, в частности, в газете "Правда православия".

Из всего этого он сделал однозначный вывод: учредители единоверия были правы, считая, что старообрядчеству необходима непрерывная, канонически выстроенная иерархия, которая возможна лишь в рамках Русской православной церкви. К существующим старообрядческим епископам он относился с серьёзным скепсисом, полагая их либо исторически сомнительными, либо канонически уязвимыми.

Кроме того, для Карпеца было важно почитание святых послереформенного периода. Если дискуссии о том, был ли Серафим Саровский тайным старообрядцем, он ещё считал возможной, то отказ от признания новомучеников XX века и царской семьи для него был немислим.

"ЗАВТРА". Среди героев Карпеца — Фёдор Глинка, Александр Шишков, Александр Введенский — не самые центральные фигуры. Считал ли он их несправедливо забытыми или чувствовал в них нечто, требующее выражения?

Максим МЕДОВАРОВ. И то, и другое. Карпец не гнался за громкими именами и не интересовался канонической иерархией "великих" литераторов. Его привлекали личности с внутренней напряжённостью — конфликтом между личной судьбой и эпохой.

В Глинке он видел мост между религиозной поэзией и декабристским порывом. Шишкова он представлял не столько поэтом, сколько философом языка, противником европеизации, но не как проявление мелкобуржуазного консерватизма, а с позиций культурной традиции.

Что касается Введенского, то его имя известно в узких кругах обэриутов, и Карпец занялся поиском его неопубликованных стихов, оказавшихся в руках одной особы, присвоившей авторские права. Его в Введенском занимала не абсурдистская философия, а концепция времени. Немаловажно и то, что Введенский тоже был единоверцем.

Конечно, стихи Карпеца изобилуют отсылками к Тютчеву и Пушкину. Но именно в фигурах "поэтов второго ряда" он находил то, чего не находил у "великих" — точки напряжённости, раскрывающие пространство для собственного исследования. История литературы представлялась ему не чередой памятников, а цепью острых, поворотных событий.

"ЗАВТРА". Что такое русская и мировая история для Карпеца? Существуют ли объективные законы её развития?

Максим МЕДОВАРОВ. По Карпецу, истина — это вечность. Вечность или всевременность, всевозможность. Представим себе некое целое, к примеру, шар, в котором есть всё, но нет времени. В понимании Карпеца, время — это продукт грехопадения.

Он часто любил ссылаться на книгу епископа Василия Родзянко "Теория распада вселенной и вера отцов", где разбирается версия, согласно которой так называемый Большой взрыв и есть тот самый момент грехопадения, когда возникает время. Потому люди, заброшенные в историю (отсюда, кстати, поздний интерес Карпеца к Хайдеггеру), ощущают ностальгию, тоску и потребность возвращения в вечность.

Кроме Хайдеггера, уместно вспомнить и Мирчу Элиаде. Конечно, органично вписывается в этот ряд и отец Павел Флоренский, но именно Элиаде особенно близок Карпецу по настроению. В его творчестве человек часто ощущает себя заброшенным, испытывает ностальгию и стремится обрести утраченный дом. Та же трагическая интонация пронизывает многие стихотворения Карпеца, где звучит тот же мотив.



Владимир Карпец (1954–2017 гг.), писатель, поэт, историк, правовед, переводчик, режиссёр

История, по мнению Карпеца, развивается по змееобразной, петляющей траектории. Личнейность времени ассоциируется у него с разрушением и демоническим началом. Как писал Блаженный Августин (которого, впрочем, Карпец критиковал, считая его одним из родоначальников идеи линейного времени): "Вся наша жизнь — ничто иное, как гонка к смерти, на которой никто не может остановиться хотя бы на мгновение или идти медленнее, но все движутся вперёд равномерно и быстро".

Согласно Карпецу, православие открывает человеку возможность выхода за пределы времени, приобщая его к вечности через литургию. В центре этой концепции находится некое вневременное ядро, не подверженное тлению и распаду, в котором вечно пребывает Золотой век — подлинный "дом". По его убеждению, наиболее полно это ядро реализуется в старообрядческом богослужебном укладе.

"ЗАВТРА". В данном контексте особенно интересно, какую роль играла для Карпеца природа, ведь он был к ней по-настоящему близок, а его любовь к грибам стала, без преувеличения, притчей во языцех. Видел ли он в природе — и особенно в русском лесу — нечто, выходящее за рамки времени, или всё же воспринимал её как часть материального мира?

Максим МЕДОВАРОВ. Да, влечение к природной стихии — это и есть выход за пределы времени. Природа существует независимо от хода человеческой истории. Карпец неслучайно чувствовал особое духовное родство с Павлом Флоренским: для обоих естественнонаучное мышление, наблюдение за природными формами были способом выйти за рамки историзма. И когда он обращался к образам природы — змеям, болотам, грибам, — он возвращался в вечность.

"ЗАВТРА". А если говорить о русской истории — как она разворачивалась в его сознании? Какие периоды и фигуры особенно занимали Карпеца?

Максим МЕДОВАРОВ. Он не стремился охватить русскую историю целиком. У него был свой круг тем и персонажей, к которым он постоянно возвращался. Это прежде всего опричнина, эпоха первых Романовых, фигуры патриарха Никона и протопопа Аввакума, Раскол как историческая и метафизическая катастрофа. Особенно его занимал Павел I — правитель, пытавшийся восстановить подлинные и сакральные пропорции монархии.

В последние годы его внимание обратилось к эпохе Александра II — в частности, к царевубийству, к "Народной воле", к фигуре Екатерины Долгоруковой-Юрьевской. Естественно, много он говорил про Николая II, царевубийство, про метафизику революции.

Карпец полагал, что русский исторический миф, подобно немецкому, находит своё выражение в музыкальной форме. Подобно тому как Вагнер, по его мнению, создал главный миф немецкой истории, так и Мусоргский в "Хованщине" и "Борисе Годунове" выразил фундаментальные структуры русской исторической драмы.

Он часто говорил, что тот, кто способен воспринять мистирию "Хованщины", может почувствовать глубинный смысл русской судьбы. И всякий раз, как в России предпринимались попытки поставить "Хованщину" в новом контексте, история словно бы начинала повторять её трагическую интонацию. Так было в 1917 году, в 1920-х, и, как он считал, в октябре 1993 года — когда Карпец вместе с единомышленниками попытался снять свою версию "Хованщины" в подземельях, ведущих от Белого дома к Москве-реке. Замысел остался неосуществлённым: началось штурм Белого дома, и люди бежали по этим подземным коридорам, что привело к срыву съёмки.

"ЗАВТРА". Каково, по мнению Карпеца, правильное государственное устройство России?

Максим МЕДОВАРОВ. Идеалом является монархия, возглавляемая потомками Рюриковичей или Романовых, но не Кирилловичей. Что касается содержания, то Карпец представлял себе социальную монархию — государство, близкое к социалистическому, ориентированному на социум типа, как в современном Китае. Важно, чтобы оно сочетало монархический фасад с каким-то представительным органом, сословным или корпоративным, как

в земском соборе, но без партийных структур. То есть социально ориентированная экономика с прavam монархическим обликом.

"ЗАВТРА". Его разработки по теме времени уведат нас от социальной практики. При этом социал-монархизм выглядит как разумная, осязаемая, не эсхатологическая концепция.

Максим МЕДОВАРОВ. Для раннего Карпеца (конца 1980-х — начала 1990-х годов), как и для большинства тогдашних монархистов, характерна ставка на эсхатологию. Вот-вот должен был прийти последний царь, за которым, как предполагалось, последует конец света. Позднее Карпец отошёл от этой темы, рассудив, что до конца света, возможно, ещё есть время, которое можно посвятить построению социал-монархии, имеющей шанс оказаться формой стабильного и мирного существования.

"ЗАВТРА". Карпец постоянно находился в живом взаимодействии с самыми разными, зачастую очень яркими людьми. Пусть он и был человеком непростым, склонным к конфликтам, — тем не менее рядом с ним всё время появлялись выразительные фигуры. А как он стал вашим героем? Почему вы начали его изучать?

Максим МЕДОВАРОВ. Всё сложилось довольно случайно: через покойного Олега Фомина я познакомился и с самим Карпецом, и с его текстами. При жизни мы виделись нечасто — всего несколько раз за несколько лет. Зато перелипса наша была почти непрерывной: тысячи сообщений, в которых обсуждалось всё — от философии до быта. Он присылал мне свои повести, делился сомнениями. Конечно, у него случались размолвки и с Фоминым, и со мной, но, по сути, он был человеком добрым, хотя над такой его характеристикой нередко посмеивались. Помню, на сайте "Правая.ру" в разделе "Об авторе" была фраза: "Отец четверых детей, очень добрый и вежливый человек". Многие тогда иронизировали: зачем, мол, такое писать? Но, возможно, эти строки добавили по незнанию редакторы.

Он поддерживал связи с выдающимися людьми: Владимиром Микушевичем, Александром Елисеевым, Олегом Фоминым. В ранние годы особенно активно общался и сотрудничал с поэтами и писателями: Анатолием Ивановым, Юрием Кузнецовым, Татьяной Глушковой, Петром Паламарчуком. Это были фигуры не случайные — люди с подлинным даром и собственным голосом, что для Карпеца всегда играло решающую роль.

"ЗАВТРА". Как складывалось его взаимодействие с людьми? Чем он их привлекал?

Максим МЕДОВАРОВ. Прежде всего — широтой интересов. С кем-то его общение строилось преимущественно на общественных основаниях, с кем-то — на литературных или интеллектуальных.

Позднее в его жизни появились связи и по церковной линии, в том числе в единоверческом контексте. Он, например, выступал на Рождественских чтениях — то есть в определённый период был достаточно активен в церковной среде, где его слушали и признавали. Об этом гораздо подробнее мог бы рассказать его соратник по приходу — Михаил Анатольевич Тюренков. Уверен, у него сохранилось немало примечательных историй об их приходской жизни.

"ЗАВТРА". Существует ли архив Карпеца, который пока не открыт? Или все его разработки, слава Богу, более или менее доступны?

Максим МЕДОВАРОВ. У его вдовы, конечно, сохранились неопубликованные материалы. Она хотела бы издать часть из них, однако этому мешают определённые трудности — в частности, со здоровьем. Тем не менее она активно помогала нам в организации вечеров и лекций памяти Владимира Игоревича. Я надеюсь, что какие-то тексты всё-таки будут доведены до издания.

У неё были непростые отношения с некоторыми издательствами. Скажем, последняя книга Карпеца "Царский род" была им при жизни выложена в интернет, но в очень черновом, сыром варианте.

Позже одно из издательств планировало её выпуск, но вопрос об издании переработанной версии этой книги до сих пор остаётся открытым. Это касается множества стихотворений, которые так и не вошли в сборники. Возможно, Марина Николаевна и дети смогут довести некоторые из них до публикации. Поживём — увидим.

Беседовал Андрей СМИРНОВ